А.В. Шевченко,
кандидат политических наук, доцент

МОНИТОРИНГ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ: ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Думаю, специалисты, работающие в массово-коммуникативной сфере – исследователи и организаторы информационных процессов, редакторы, журналисты – согласятся с тем, что в этой сфере мониторинг в его классическом определении как «предостерегающая методика исследования объекта, предполагающая регулярное периодическое снятие информации с целью исследования, контроля его деятельности и разработки прогнозных оценок»[1] в современной России отсутствует. Многочисленные обращения исследовательских организаций к СМИ при необходимости могут удовлетворить тот или иной запрос на общественное мнение, выполненный в виде разного рода опросов или контент-анализов текстов. Это дает определенные представления о состоянии некоторых частей системы, но целостной картины по ним составить невозможно. Даже ее количественные характеристики, выводимые на основе статистических данных, можно считать лишь относительно достоверными: например, получить точное число действительно выходящих в свет, а не только зарегистрированных печатных изданий, и на их основе составить медийную карту, проблематично даже в масштабах субъекта Федерации.

Мониторинг массово-информационной сферы имеет интегральное значение для определения состояний общества и политической системы России, в частности. В узком смысле мониторинг как аналитическая программа предназначен для отслеживания публичных рефлексий по поводу политических событий, выявления динамических состояний общественного сознания и массовой психики, прогнозирования и упреждения вредных фактов. Это анализ, оценка эффективности деятельности и выработка рекомендаций для тех субъектов, которые занимаются этой деятельностью. Актуальность его применения обострилась с возрастанием сложности массово-информацион-ной системы за счет ее структурно-функционального разнообразия: интеллектуальная поддержка принятия политических решений осуществляется в обстановке многообразия коммуника-

[1] *Даниленок В.И.* Современный политологический словарь. М., 2000. С. 504.

тивных связей, зачастую характеризующихся оппозиционными потенциалами.

Обеспечение информационной устойчивости политической системы на микроуровне осуществляется при помощи механизмов согласования ценностей и интересов по поводу информационной власти политиков, госслужащих, журналистов, представителей гражданского общества. Так, без глубокого мониторинга СМИ существенно затрудненной оказалась процедура выработки таких крупных документов, как концепция деятельности профильного министерства по осуществлению государственной политики по развитию сферы массовых коммуникаций в России или Рекомендации парламентских слушаний в Госдуме РФ «О законодательном регулировании распространения культурных ценностей и формирования нравственных идеалов в средствах массовой информации».

Очевидно, что без комплексного мониторинга информационно-ком-муникативной системы невозможно ответственно заниматься формированием государственной информационной политики. Либеральное видение этого процесса диктует соответствующие претензии: политика должна формироваться в соответствии с единым демократическим замыслом политики государства, имея строгое законодательное закрепление. В ее основу необходимо положить идею демократического информационного порядка*; она должна защищать свободу журналистики и устанавливать ее ответственность перед обществом, обеспечивать противовесы давлению (например, административного) на СМИ.

Иная точка зрения, основанная также на требовании упорядочения деятельности СМИ, но только на основе приоритетов общества и государства, выражена в требованиях введения цензуры (хотя бы неполитической). Выбор верной информационной стратегии без мониторинга конфликтогенной среды невозможен. Здесь актуальны несколько взаимосвязанных направлений – формирование политической культуры, активное участие населения в демократических процессах; отношение журналистики и общественного мнения; проблемы концептуальных оснований государственной политики в сфере отношений СМИ – социальные институты, СМИ – массовая аудитория. Перечень проблематики можно продолжить. Он определяется структурой информационно-коммуникативной системы, основой которой являются идеальные (духовные) и материальные (социально-экономические) отношения субъектов взаимодействия.

---

* Информационный порядок – такая организация информационных отношений, при которой каждый гражданин может максимально полно реализовывать свои информационные права и свободы.

Социальная информациология и качественная параметризация объекта мониторинга

Любой вид мониторинга, в том числе массово-информационной системы не может быть эффективным, пока не будет, во-первых, определена система показателей, адекватно отражающих сущностные характеристики объекта и способных давать комплексное представление о его функционировании; во-вторых, выведен интегральный показатель; в-третьих, подобраны адекватные его измерители; в-четвертых, сформировано свойство приспособленности к наблюдению. Методология мониторинга информационно-коммуникативных систем сегодня переживает существенное обновление, обусловленное научным обогащением за счет новых научных направлений, сформированных в их горизонтах подходов и парадигм. К таковым относится, например, концепция Н. Лумана, предлагающего «отбросить устаревшие способы описания социальности и обратить внимание на подлинные проблемы современности»[1]. Теория Лумана привлекает внимание междисциплинарным синтезом универсальной социологической теории и специальных исследований по теории права и политологии. Здесь нашли дальнейшее развитие идеи аутопойесиса – самопроизводящихся систем, к которым Н. Луман относит органические, психические и социальные системы, указывая на то, что наиболее обширной социальной системой является общество, охватывающее все возможные коммуникации. Коммуникацию он определяет как «синтез трех селекций. Она состоит из информации, сообщения и понимания. Информация – это дифференция, изменяющая состояние системы, т. е. производящая другую дифференцию»[2].

Идеи Н. Лумана созвучны подходам *социальной информациологии*, исследующей информационные отношения, состояния и процессы, происходящие в сложных и суперсложных самоорганизующихся системах[3]. Это наука о социальных формах движения, ноосферных связях, основанных на фундаментальных свойствах информации как специфической природной сущности, несводимой ни только к идеальному, ни только к материальному[4]. Такое представление форми-

---

[1] *Филиппов А.Ф.* Луман Никлас //Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997. С. 737.

[2] *Луман Н.* Медиа коммуникации. М., 2005. С. 7.

[3] *Попов В.Д.* Информациология – наука XXI века (проблемы становления и развития). М., 2004; *Шевченко А.В.* Информационная устойчивость политической системы. М., 2004.

[4] См.: *Полонников Р.И.* Феномен информации и информационного взаимодействия. СПб., 2001.

руется в рамках социальной информациологии на принципе дополнительности атрибутивного и функционального подходов к познанию мира, конвергенции теории информации и теории отражения.

Прикладная сторона к формированию методологии мониторинга информационной сферы, отражающей динамическую взаимосвязь объективного и идеального, зависит от следующих параметров, обусловливающих качество информационного процесса: а) отбор полезной для процесса становления разума информации, идущей от природы; проходимость каналов, проводящих полезную для человека информацию; б) преобразование идущей от природы информации в формы и содержание, доступные восприятию сознанием и чувствами человека; в) восприимчивость индивидов к поступающей к ним информации; г) генерация новой информации, расширяющей и углубляющей знание человеком природы и формирующей новый, более высокий уровень антропосоциоприродных отношений[1].

Как известно, специфика объекта определяет единицу анализа и инструментарий исследования. При постановке задач мониторинга информационно-коммуникативной системы всякий раз встает вопрос ее параметризации. Его особенности обусловлены многоступенчатостью отражательного процесса: для оценки каждого отдельного этапа объект должен быть параметризован, поскольку в дальнейших преобразованиях в пределах объекта отражательный процесс будет находиться в прямой зависимости от установленных параметров, ибо последний сопровождается перекодированием параметров. При этом потери точности информации об объекте не происходит, но исследовательская задача не становится легче.

П.К. Анохин указывал: «Наше сознание есть …последний синтезирующий фактор, собирающий всю ту информацию об объекте, которая по путям передачи претерпела и дисперсию, и редукцию, и синтез. И теперь на последней инстанции все воспринятые параметры вновь воссоздаются в том образе, который мы видим в своем сознании. При таком подходе в материалистической концепции отражения нет места допущению чего-то нематериального и несуществующего. И только лишь конкретные механизмы рождения субъективного не поддаются пока аналитическому описанию, однако их точная информационная связь с исходными параметрами объективного мира не может быть подвергнута сомнению»[2].

Таким образом, при мониторинге информационно-коммуникативной системы следует делать существенную поправку на то, что СМИ

---

[1] См.: *Полонников Р.И.* Феномен информации и информационного взаимодействия. С. 192.

[2] Там же. С. 326.

становятся фильтром, который искажает «исходный параметр объективного мира».

От журналистики факта – к журналистике смысла

В условиях смены политической системы модернистского типа на постмодернистский, отрицающий любые процедуры социального упорядочивания, и образования в поле власти «вакуума смысла», меняется существо журналистской деятельности, смещаясь к цели порождения смыслов. В этом состоит отличие от генеральной функции профессии в индустриальном обществе и соответствующей ему политической системе модернистского типа, когда журналистика занималась разысканием и интерпретацией фактов.

Известно, что реализация ролей в политической жизни осуществляется через **понимание** субъектами содержания групповой экспектации (от англ. *expectation* – требование, ожидание). Категория понимания выступает интегральным показателем эффективности политической коммуникации. «Под пониманием, – утверждает П. Рикер, – мы имеем в виду искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение. Цель понимания – совершить переход от этого выражения к тому, что является основной интенцией знака, и выйти вовне через выражение»[1]. Рикер характеризует интенциональность как изначальную открытость субъекта миру, впитавшую в себя практические намерения, волевые действия, вследствие чего формальный момент субъективности превращается в активный, действенный, конституирующий. Именно конституирующая воля дает человеку смысл. Волевой аспект, определяющий способность личности устанавливать ценно-смысловые ориентиры в политической коммуникации, встроен в структуру политического самосознания личности. От ее целостности и зрелости зависит качество взаимоотношения с другими субъектами и объектами политики как внутри социально-политической системы, так и за ее пределами. Через понимание осуществляется и осознание человеком себя в политике как самостоятельного деятеля, оценивается его роль, цели, интересы, идеалы и мотивы поведения.

Таким образом, в процессе понимания интенция – мыслительная, когнитивно-эмоциональная направленность обращенность журналиста, с одной стороны, на аудиторию или отдельного человека как на объект воздействия, с другой – на первоисточник информации (мотивация выбора, определение критериев селекции первичных

[1] *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 136.

сведений, методы формирования информационного потока, выстраивание «повестки дня» и т. д.) есть условие для возникновения эффекта принятия другого и установления эффективной коммуникации.

Журналистская информация выступает как результат профессионального осознания, понимания и рефлексии творческого субъекта по поводу сообщения любой информационной природы. Другими словами, *суть журналистской деятельности сводится к извлечению смысла из явлений реальной действительности*.

Единицей измерения показателей информации, порождаемой в результате журналистского труда, выступает смыслофакт – категория, образованная методом логического совмещения понятий «факт» как явление материального и «смысл» как выражение субъективированной реальности. Смыслофакт фиксирует переход денотативного значения слова к его коннотативному смыслу, отражая в социальном явлении единство формы (факт) и содержания (смысл). Культурная насыщенность смыслофакта определяется разрешающей способностью семантического пространства политического субъекта. Применение этой единицы при различных видах анализа СМИ (например, интент-анализ[1]) позволяет устанавливать их смысловую нагруженность. Пример продуктивного интент-анализа представлен И. Цыкуновым и Е. Даниловой, исследовавшими степень толерантности федеральных и региональных печатных изданиях[2]. Выявленные интенциональные составляющие текста преобразовывались в «ментальные карты» – один из формализованных способов описания речевой феноменологии. Метод разработан в когнитологии и психолингвистике. При продуцировании текста и его понимании в психике человека формируется ментальная модель обсуждаемой ситуации. Модель содержит в себе информацию о текущей действительности, событиях, их участниках, а также долговременные знания о мире, образующие общий контекст. Интенция выстраивается в определенную систему смыслов, с помощью которой происходит оценивание окружа-

[1] *Интент-анализ* – метод выявления и объективирования неявных форм неявных воздействий или скрытых установок и убеждений человека. Для интенций характерна двусоставная структура, выражение каждой интенции предполагает обозначение ее объекта и отношение к нему говорящего либо пишущего субъекта. Формы выражения интенций разнообразны, не стандартны и могут быть как прямыми, так и косвенными. Внешняя, лингвистическая форма речи, слова, конструкции выражают лишь техническую сторону, высвобождая для читателя только систему смыслов. Единицей анализа в интент-анализе служит не простое количество упоминаний, а интенция, т. е. упоминание, несущее в себе оценочную информацию, выраженную либо эксплицитно, либо имплицитно.

[2] См.: Право знать. Бюллетень ПФ КСДИ. 2003. № 1–2 (73–74). С. 18 – 39.

ющей среды. Для наглядности модели проводится процедура «свертывания» анализируемого текста, такая визуализация и представляется в виде – «ментальной карты».

Обретение смысла в массовой коммуникации, его индивидное порождение, происходит в результате *медиативного синтеза* – понимания реальности, извлекаемой индивидным сознанием из информационно-коммуникативного пространства, ее усвоения и приятия, определения адекватной жизненной позиции.

Оценочная функция политического сознания, опосредованная пониманием, дает основания обратиться к проблеме ответственности как универсальной категории, воздействующей на мотивацию деятельности исходя из разнообразия факторов (внутренних и внешних), участвующих в формировании такой мотивации. Ответственность выводит человека на более высокую ступень психологической деятельности и соответствующего ей поведения, формирует более ценное качество, чем законопослушание или автоматическое следование общественным нормам – самостоятельное, добровольное соизмерение своего свободного поведения с последствиями пользования свободой. Понятие ответственности отражает причинно-следственные связи между поведением ответственного субъекта и последствиями такого поведения.

Информативность информационной системы

Таким образом, информационно-коммуникативная система как объект мониторинга обладает рядом специфических характеристик, которые определяют необходимость синтеза результатов, полученных, как минимум, по двум аналитическим каналам: атрибутивному (качественному) и функциональному (количественному). Л.Л. Реснянская, применяя в мониторинге СМИ методики, основанные на таком принципе синтезирования, утверждает, что анализ аккумулированных в СМИ оценок властного субъекта и его деятельности, обладающих потенциалом влияния на взгляды и мнения граждан обо всей сфере политики, самоидентификацию гражданина как «человека политического», дает возможность уточнить представление о качестве, зрелости самих СМИ[1].

[1] По специальной методике оценивались 1549 материалов политической проблематики в 11 изданиях по следующим категориям: объекты оценочных суждений (коллективные и персональные акторы, политические процессы); сфера оценки персональных акторов; виды материалов с оценочными суждениями; типы авторов материалов; субъекты суждений; тональность оценки; средства оценки; наличие актуализации оценки. (Право знать. Бюллетень ПФ КСДИ. 2003. №1-2 (73-74).)

Весьма полно комплекс исследовательских процедур мониторинга, используемых в информационно-ноосферной парадигме, применен при реализации проекта «Региональные СМИ и демократия в России», проведенного канадским Центром русских и восточно-европейских исследований при Университете Торонто (CREES), Центром сравнительных социально-политических и социально-экономических исследований ИМЭМО РАН и Независимым институтом коммуникативистики (Москва)[1]. Цель проекта заключалась в том, чтобы помочь российским журналистам, работающим в региональных СМИ, понять суть отношений между прессой, властью и бизнесом, добиться того, чтобы российские СМИ служили эффективным связующим звеном между государством, обществом и бизнесом, оставаясь реально свободными.

Вологодская область в качестве объекта мониторинга была выбрана не случайно: по раскладу политических преференций электората, по ряду социально-политических и социально-экономических параметров (уровень образования, доход, адаптация) вологодская выборка приближается к среднероссийским значениям. Участники проекта стремились определить: что знает общественность о федеральной и региональной политике и что она хотела бы знать; насколько хорошо СМИ информируют общество по политическим вопросам; насколько хорошо они обеспечивают обратную связь, передавая мнение общественности властям; насколько хорошо журналисты понимают свои задачи; каковы основные препятствия на пути к созданию независимых СМИ.

Исследовательская составляющая проекта включала следующие элементы: а) опрос общественного мнения для определения степени осведомленности жителей о демократических нормах, их отношение к политике местных и областных властей и восприятие качества информации, которую они получают от СМИ; б) проведение фокус-групп с журналистами из главных городов Вологодской области для определения того, как они понимают свои профессиональные задачи, касающиеся поддержки демократических норм и ценностей, и какое давление оказывают на них областные власти и группы интересов; в) проведение качественного исследования для выявления содержания установок и ценностей жителей Вологды; г) контент-анализ информации вологодских СМИ для определения природы и качества их материалов по федеральной и региональной политике; д) научно-практическая конференция «Региональная пресса России: поиск нового лица».

[1] См.: Региональные СМИ и демократия в России (на примере Вологодской области) / Сост. И.М. Дзялошинский. М., 2003.

В комментариях к опросу «Отношение к СМИ в Вологодской области» Г.Г. Дилигенский определил аудиторию вологодских СМИ как достаточно плюралистическую, разнородную и по своему социальному самоощущению, и по типу отношений к постсоветской действительности, и по системе жизненных приоритетов. Такая социально-психологическая разнородность порождает многообразие когнитивно-информационных интересов и потребностей.

Большинство респондентов сочли СМИ зависимыми от центров политической и экономической власти; при этом верящих в их объективность и вообще дающих положительные оценки их деятельности больше или примерно столько же, сколько разделяющих противоположное мнение. Население одновременно верит и в зависимость, и в объективность и добросовестность СМИ. Возможно, такую позицию можно охарактеризовать как умеренное или ограниченное доверие: люди допускают, что СМИ могут давать достоверную информацию, но лишь до тех пределов, за которыми она входит в противоречие с интересами контролирующих их сил. Респонденты видят зависимость этих пределов от сюжета информации. Социальные очертания выделенных частей аудитории СМИ подвижны и зависят от близости конкретных информационных сюжетов к когнитивному горизонту и жизненному опыту потребителей информации.

Важные выводы сделаны при интерпретации данных, полученных в процессе проведения фокус-группы. «В мировоззренческом плане – по уровню политической просвещенности, развитости, артикулированности идейно-политической позиции – журналисты, участвующие в фокус-группе, мало чем отличаются от "массовых" респондентов. Та же склонность к конформизму по отношению к федеральной (президенту) и особенно региональной (губернатору) власти, то же отсутствие представления о политике как конкуренции принципов, альтернативных программ. Журналисты охотно называют себя людьми аполитичными, если и говорят о политических пристрастиях, то связывают себя с конкретными политиками, а не с какими-либо принципиальными соображениями.

Представление о демократии как определенной системе власти, как и какой-либо целостный демократический идеал, большинству их, видимо, чуждо. В качестве возможных носителей власти респонденты видят только "начальников" – чиновников различных рангов, и какая-либо альтернатива подобному типу политической организации в их сознании отсутствует. Не ощущается у большинства и приверженности к каким-либо идейным течениям. По всей видимости, они могут анализировать в своих материалах в лучшем случае конкретные повседневные экономические и социальные ситуации, но не принципиальные проблемы жизни общества…

В целом создается впечатление, что, независимо от профессиональных качеств, уровня критичности, смелости и т. д. работы этих журналистов …они вряд ли могут играть роль интеллектуальных или идейных лидеров (или хотя бы "бродила") в общественно-политической жизни своего региона: у них нет ни необходимых для этого собственных идей, ни знаний, ни кругозора…»[1].

В душевное смятение пришли журналисты от, казалось бы, самого «самоопределяющего» вопроса – о социальных функциях прессы. С одной стороны, они вроде бы уверены, что задача СМИ – информация и развлечение, т. е. просветительский, интеллектуальный, аналитический аспект существенной роли не играет. С другой стороны, выражен факт неудовлетворенности части журналистов поверхностным характером содержания СМИ. В бытовом варианте диагноз такого состояния профессионального сознания можно определить как «и нашим, и вашим»…

Поэтому не удивляет и реакция участников фокус-группы на обсуждение вопроса об информационных потребностях и запросах аудитории: ориентация на них выражена очень слабо, а представление об обратных связях читателей и зрителей со СМИ свелся к письмам в редакцию и динамике подписки. «Похоже, – заключает Г.Г. Дилигенский, – читательские и зрительские интересы или вообще не осмысливаются журналистами как ориентир их работы, или сводятся к интересам, наиболее примитивным»[2].

К аналогичным выводам пришли и специалисты, проводившие в рамках проекта научно-практическую конференцию.

Кому он нужен, этот мониторинг?

Казалось бы, эти тревожные выводы о качестве массово-информационной региональной системы одного из субъектов Федерации (типично среднероссийского) должны были, согласно целям мониторинговых исследований (предостерегающий прогноз!) активизировать информационную политику в поиске путей самоидентификации и профессионализации журналистов, обретения ими соответствующей злобе дня социальной роли, коррекции массово-коммуникативных отношений. Однако ничего похожего не произошло. Как свидетельствует соорганизатор проекта И.М. Дзялошинский, и во время проведения мониторинга, и в последующие годы, когда были обнародованы его результаты, канадские партнеры проявили к материалам исследования куда больший интерес, чем отечественные

[1] Региональные СМИ и демократия в России… С. 20 – 21.
[1] Там же. С. 23.

государственные и общественные структуры, в том числе журналистские.

Аналогичная ситуация сложилась вокруг исследовательских проектов толерантности и «языка вражды» в СМИ. (к слову, зарубежные специалисты «мониторят» российское информационное пространство значительно тщательнее отечественных, потому и внешняя политика их по отношению к нашей стране эффективнее российской).

Общее унылое состояние дела не слишком оживляют всплески мониторинговой активности в период крупных политических кампаний или таких как Всероссийская перепись населения. По этому поводу только и остается, что сказать: можем, если захотим. Но «хотение» – это еще не политическая воля, без которой не создать качественную систему исследования массово-коммуникативной сферы. Пример поэтапного ее формирования представлен судебной властью, целенаправленно выстраивающей механизм мониторинга законодательства и правоприменительной практики в субъектах Федерации. Эта задача рассматривается в качестве нового этапа (или составной части) административной, правовой, судебной реформы.

Одно из главных назначений мониторинга заключается в установлении качественно новой устойчивой информативной связи между законодательной деятельностью и ее конечными результатами для совершенствования и развития системы российского законодательства. Запланировано создание Всероссийского Центра мониторинга права. По мнению учредителей, такой общественный институт может обеспечить: снижение влияния ведомственности и лоббирования корпоративных структур как в законотворчестве, так и в правоприменении; координацию деятельности всех ориентированных на правовой мониторинг структур; организацию их деятельности по единой методологии и согласованным методикам; создание необходимой инфраструктуры мониторинга и включение его результатов в соответствующие общественные и государственные процессы[1].

Направления его деятельности могут послужить образцом для разработки соответствующих ориентиров и в массово-коммуникативной сфере:

выработка методологии мониторинга; система экспертных оценок современной правовой системы и методик их проведения с учетом специфики правотворческой, правоприменительной, судебной, правоохранительной деятельности;

определение основных индикаторов с учетом внутренних национальных задач и целей, а также процессов глобализации для раз-

[1] См.: Итоговый документ Межрегионального практического семинара «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики в субъектах Российской Федерации и пути его совершенствования». М., 2005.

личных отраслей законодательства; определение индикаторов оценки правоприменения по всем направлениям развития правовой системы Российской Федерации;

мониторинг формирования общественного мнения, правосознания всех слоев общества, преодоления правового нигилизма и низкого уровня законности в практике публично-правового и частно-правового секторов экономики и социальной сферы, массовых и иных структур формирования правовой культуры населения страны;

отслеживание учета результатов мониторинга правовой системы в науке и практике государственного строительства;

оказание методической помощи Министерству образования и науки РФ в подготовке кадров, осуществляющих мониторинг.

Конечно же, аналогичный центр мониторинговых исследований информационно-коммуникативной сферы общества будет иметь специфические направления, выводимые из содержания объекта исследования. Но за формированием концепции дело не станет – был бы государственный запрос.